

Виктория Лавин

Манс
на
счастливейший
финал

INSPIRIA

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л13

Victoria Lavine
ANY TROPE BUT YOU

Copyright © Victoria Lavine Books LLC, 2025
This edition published by arrangement with InkWell Management LLC
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Юлии Бугровой*
Фото автора © *Kate Strait*
Иллюстрация на обложке *Eumiltn*

Лавин, Виктория.

Л13 **Шанс на счастливый финал / Виктория Лавин ; [перевод с английского Ю. Бугровой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.**

ISBN 978-5-04-221161-4

Знаменитая писательница Марго Брэдли не верит в счастливые финалы и втайне создает альтернативные печальные концовки ко всем своим любовным романам. После скандала, связанного с утечкой её личных файлов в сеть, Марго отправляется на Аляску, чтобы попробовать себя в новом жанре. Никакой романтики, только убийства. Но кто же знал, что, убегая от выдуманной любви, она попадёт в объятия привлекательного дровосека, а точнее — дровосеки.

Форрест оставил карьеру врача, чтобы заботиться об отце и управлять семейным бизнесом. Он идеален. И он — всё, чего боится Марго. Теперь её отпуск похож на череду любовных тропов. Но ведут ли они к счастливому финалу?

**УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44**

ISBN 978-5-04-221161-4

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
Издательство «Эксмо», 2025

Джеймсу.

*По другую сторону наших общих историй
ты — мой парный ограничитель
на книжной полке.*

*Моим товарищам,
пережившим рак молочной железы,
находящимся в зоне риска и ведущим борьбу.
Ваша сила духа — редкий дар.
Эта книга и для вас тоже.*

Глава 1

МАРГО

Я смотрю на блузки, разложенные на кровати, и размышляю о том, в какой из двух буду меньше похожа на лгунью. Розовая с воланами в цветочек определенно подойдет автору сентиментальных романов (именно к такому образу я стремлюсь), но не слишком ли это банально? Вторая (строгая, белая, без рукавов) выглядит более стильно, но не *слишком* ли стильно? А если читательницы, увидев подчеркнуто высокий ворот, решат, что я что-то скрываю?

Вероятно, подобные вопросы возникают в голове серийного убийцы, готовящегося предстать перед судом. Вот только в моем случае в качестве присяжных выступят сотни самых преданных читательниц, а притворяться невинной овечкой я буду в ходе прямой трансляции, которая поспособствует раскрутке моей последней книги. И начнется это мероприятие через... — бросаю взгляд на часы, — двенадцать минут. *Черт.*

Я скрещиваю руки на груди в тщетной попытке успокоиться. После шести романов и последующих промо-туров можно подумать, что я научилась складно врать. Или хотя бы могу выбрать блузку. Но, судя по струйкам пота, это совершенно не так. Потому что, хотя я, Марго Брэдли, и являюсь самым продаваемым автором по версии «Нью-Йорк таймс» (именно так, по настоянию мо-

его издателя, обращаются ко мне все журналисты, ведущие подкастов и ничего не подозревающие бариста в «Старбакс»), я живу в вечном страхе, что поклонники каким-то образом узнают обо мне всю правду. Ведь за ширмой из романтических тропов и бесконечных описаний оргазмов, которыми я торгую, как змеиным маслом¹, скрывается девушка, относящаяся к любви с еще большим скепсисом, чем бывшая звезда шоу «Холостячки», находящаяся в середине бракоразводного процесса.

Само собой, напрашивается вопрос: как она может писать любовные романы, если считает, что любовь — это финансовая пирамида дьявола? На это есть ответ: я не всегда была столь мудрой и всезнающей. Нет-нет. Когда мне было чуть за двадцать, я познала ту самую *сметающую все на своем пути, плавящую рассудок химию*, из которой состоят романтические тропы. Я думала, что в пьянящем приливе эндорфинов и желания нашла любовь, опасно связанную с самыми хрупкими человеческими узами — доверием. Я *знаю*, что испытываешь, когда помолвочное кольцо с бриллиантом в 2,3 карата надевается тебе на палец. Аналогичным образом мне известно и обратное: как себя ощущаешь, когда это самое кольцо снимается навсегда. Как высоко парящие, подобно гелиевым шарам, чувства неизбежно воспламеняются от искры правды и взрываются, обрушиваясь на землю в огненной феерии боли и ужаса.

Слишком драматично? Как посмотреть. Оказывается, большинство людей, достигших тридцати, пережили хотя бы одно расставание, после которого, поглощенные душевным кризисом, всухую съедали тарелку хлопьев, напрочь позабыв про молоко. Мне также известно, что люди с разбитым сердцем часто ищут утешения в индустрии любовных романов, оборот которой исчисляется миллиардами долларов. Откуда? Потому что так было и со мной. Я на собственном горьком опыте убедилась, что в этом мрачном мире, где правят приложения для знакомств, любовные романы возвращают надежду даже самым отчаявшимся. Они внушают веру в то, что чуткий, остроумный и очень накачанный док-

¹ Выражение «торговля змеиным маслом» означает, что человек занимается мошенничеством. *Здесь и далее примечания редактора.*

Шанс на счастливый финал

тор Хантер только и ждет своего звездного часа, чтобы, обнимаясь ночами после синхронных оргазмов, смеяться над всеми неудачниками, что были до него.

Но если, конечно, горький опыт научил вас, как меня, что доктор Хантер не войдет в вашу жизнь — *или в вас*, — тогда другая история. В этом случае жалкие остатки бывших надежд и мечтаний вы будете использовать для написания романов, которые больше не утешают *вас*, зато помогают оплачивать счета и поддерживать других. А под другими я, конечно же, подразумеваю своих читательниц, чья непоколебимая преданность заслуживает того, чтобы быть вознагражденными в той валюте, которую они жаждут больше всего, — в поцелуях на закате, в занесенных снегом домиках с одной кроватью, а главное — во всех «Долго и Счастливо», сокращенно ДиС.

Именно этот элемент сюжета дается мне тяжелее всего и (порой я признаюсь себе в этом) вызывает тоску по тем временам, когда моя вера в любовь была столь же непоколебима, как у моих читательниц. Но те дни давно прошли, и рискни я пофантазировать, то сказала бы, что эта самая вера, вероятно, покоится вместе с обручальным кольцом на дне Тихого океана. Именно поэтому мне пришлось разработать идеальный механизм преодоления всех ДиС, которые пишу, но в которые не верю, — файл под названием «Не долго и Не счастливо», или НДиНС. Это защищенный паролем сверхсекретный документ, в котором содержатся альтернативные концовки ко всем написанным мной романам. Те, с которыми столкнулись *бы* мои герои, будь они реальными людьми с реальными проблемами — с теми, что не решаются лонгсливами Хенли в обтяжку и рельефным прессом. Это убийственный список затянувшихся разводов, чудовищных свекровей, имеющих запасные ключи от дома молодоженов, интрижек с молодыми девицами на парковке и неудачных решений относительно формы бороды. Истории все до одной некрасивые, но правдивые, а для меня это еще и важное напоминание о том, что никогда нельзя терять бдительность.

Но в плохие дни, когда даже файл «Не долго и Не счастливо» не помогает писать эпилоги с кучей свадеб и малышей, у меня

есть одна причина — один человек, из-за которого мои пальцы продолжают стучать по клавиатуре. Одна-единственная поклонница, которую я не могу разочаровать.

Я подпрыгиваю от стука в дверь и оглядываюсь через плечо: и, точно по волшебству, появляется она. Моя сестра.

— Уже восемь, — говорит Саванна, наклоня голову с золотистыми локонами и бросая взгляд на мое нижнее белье. — Не знала, что в твоём контракте с издательством есть пункт о стриптизе.

— Один приватный танец за каждую презентацию книги, — сообщаю я, оглядываясь на блузочную дилемму. — Как утверждает моя маркетинговая команда, секс способствует продажам.

— А маркетинг дал добро на эти бабушкины панталоны?

Я кладу руки на бедра и разворачиваюсь.

— К твоему сведению, это ретро. *Не* панталоны.

— Они же тебе до пупка.

— И что?

— К ним прилагается чепец для сна?

Я высовываю язык.

— Иди сюда и помоги мне выбрать блузку.

Саванна выпрямляется и начинает двигаться. Я машинально вглядываюсь в ее походку, визуально оценивая уровень боли. Обострение еще не полностью прошло, и я беспокоюсь, что она поторопилась встать с постели.

— Определенно, белая, — говорит Саванна.

— А что не так с розовой?

— Все так. Если в твоих планах покурить и погадать на картах Таро.

— Она не *настолько* хипповая.

Саванна приподнимает рукав, в бездонных глубинах которого могло бы укрыться семейство енотов, и роняет его обратно.

— Тебе виднее. Только не дай ветру унести тебя прочь на этих парусах.

Я надеваю белую блузку.

— Ну как?

— Прекрасно, — улыбается сестра. — А ты планируешь дополнить этот ансамбль брюками?

Мане на счастливый финал

Я шелкаю резинкой на поясе своих очень высоких, очень бежевых трусов.

— И спрятать эту красоту? Ни за что. Я работаю в воскресенье после восьми вечера, и ниже пояса меня никто не увидит. Пойдем.

Я придерживаю дверь, и Саванна, осторожно ступая, направляется ко мне. Помимо изнуряющих болей во всем теле обострение аутоиммунного заболевания вызывает у нее проблемы с равновесием. Грустно видеть, как цветущая на вид молодая женщина ходит, точно хрупкая старушка, но я привыкла к этому, как привыкаешь к чему-то столь невыносимому — из чистой необходимости.

Я слежу за тем, как Саванна тянется рукой к косяку, чтобы удержать равновесие.

— Ты уверена, что не нужно...

— Нет, я в порядке, — говорит сестра, пресекая мое предложение подать трость. — Но все равно спасибо.

Я с трудом сдерживаю желание возразить. Целых четыре дня она полагалась на меня в простейших делах, и чрезмерная забота — это последнее, что сейчас нужно. Непросто уже то, что ей приходится жить со мной в качестве опекуна. Самое меньшее, что я могу сделать, — уважать ее независимость, когда у сестры есть на это силы.

— И с кем эфир? — спрашивает Саванна.

— Слышала когда-нибудь о подкасте «Замри и обомлей»?

Мы идем в мой кабинет, и глаза Саванны загораются.

— О, я его обожаю! Но тебе стоит быть начеку: Сильви за словом в карман не лезет.

— Хорошо, что моя книга — литературный шедевр, лишенный каких-либо недостатков, — беспечно говорю я. О приступах отчаяния и неуверенности в себе, которые всегда случаются накануне выхода новой книги, я умалчиваю.

Когда мы проходим через гостиную, хватаю с дивана плед. Даже сейчас, спустя два года после переезда, мне все еще с трудом верится в то, что написание любовных романов позволило осуществить мечту о доме в античном стиле. Может, я и не верю

в «Долго и Счастливо», но жизнь в Сильвер-Лейк и возможность постоянно ухаживать за сестрой чертовски близки к этому.

— Это правда, — усмехается Саванна. — «С наилучшими пожеланиями» в одночасье станет классикой. Думаю, представитель Пулитцеровского комитета позвонит в дверь со дня на день.

Я прыскаю от смеха.

— Единственная награда, на которую может рассчитывать эта книга, — мировой рекорд по количеству употреблений слова «сжимать» в опубликованном произведении.

— Лучше «сжимать», чем «влажный», — великодушно замечает Саванна.

— Как минимум один раз слово «влажный» там точно встречалось. Помнишь сцену в джакузи?

— Не было там его!

Я пожимаю плечами.

— Лучше «влажный», чем «член».

— Хуже «влажного» ничего быть не может, Марго.

— Только «влажный член».

Саванна изображает рвотный позыв, когда мы входим в темный кабинет и я поворачиваю налево, к столу. Он стоит перед стеной со встроенными книжными стеллажами (если честно, главная причина, по которой я купила этот дом), и, когда я включаю лампу, все мои книги с цветной маркировкой и фотографии в рамках озаряются теплым светом. Саванна идет напрямик к любимому креслу напротив стола, и я бросаю ей плед.

— Спасибо, — она сворачивается в кресле калачиком, как кошка. Через пять секунд ей на колени запрыгивает настоящий кот — или, как я подозреваю, ее фамилляр — и устраивается со всем достоинством, присущим его тезке, мистеру Дарси. — И для протокола: я считаю, что твои книги заслуживают Пулитцера. Они — радость и отдушина для всех преданных читателей, Марго.

Ее слова переключаются с моими собственными ежедневными самооправданиями за то, что пишу истории, которые, как я подозреваю, приносят больше вреда, чем пользы, однако когда я сажусь за стол и открываю ноутбук, чувство вины пресекается небольшим всплеском адреналина при виде файла «Не долго и Не

Мане на счастливый финал

счастливо». Я определенно не открывала его сегодня. Что еще более странно, на экране висит не страница с последней альтернативной концовкой, а старая запись из «дневника негативных эмоций», который я также периодически веду в этом документе. Грустные и горькие слова бросаются мне в глаза.

На сегодняшней автограф-сессии подписала больше двухсот книг. Читательницы все, как одна, говорили, как много значат для них мои книги, а я изо всех сил делала вид, что и для меня они все еще что-то значат. Не будь мои поклонницы милейшими людьми на земле, честно говоря было бы ГОРАЗДО проще ломать эту комедию. Я знаю, что им нужен гарантированный хеппи-энд, — и дам им все, что хотят, потому что обязана им всем — но как, мать их, они могут быть настолько наивными? Каждый раз, когда очередная поклонница говорит, что ждет свой собственный ДиС в духе Марго Брэдли, внутри меня что-то умирает. Я ненавижу маску, которую вынуждена носить.

Я бросаю взгляд на Саванну, ужасаясь от мысли, что она наконец-то меня раскусила. Это единственное объяснение, почему файл НДиНС открыт. Но сестра чертит кончиком пальца кружочки на пушистом сером лбу мистера Дарси. Я выдыхаю с облегчением и расслабляю плечи. Если бы Саванна увидела документ, мы бы не сидели сейчас как ни в чем не бывало, мы бы сидели как при первых толчках Мегаземлетрясения. Только вместо землетрясения, способного поглотить Лос-Анджелес целиком, был бы этот секрет. Единственный, который я храню от сестры.

— Эй.

Я поднимаю взгляд от экрана, на котором уже нет никаких уличающих документов.

— Не зря у тебя самые милые в мире поклонницы и постоянное место на большом экране на Таймс-сквер, — говорит она.

Постоянный узел вины, обосновавшийся в животе, затягивается еще туже.

— Это почему?

Во взгляде сестры благоговение, которого я не заслуживаю, и я успеваю вздрогнуть, прежде чем наносится удар.

— Потому что ты пишешь от сердца.

Это удар под дых. Даже хуже — это удар прямо по сиськам. Я выдавливаю из себя улыбку, в то время как сердце, по ощущениям, ухает вниз, пробивает пол, земную кору и, достигнув раскаленного ядра, сгорает дотла.

— Спасибо, что ты здесь, Ван, — говорю я. — Знаю, ты могла бы отправиться на прогулку с Купером.

Саванна мечтательно улыбается при упоминании своего парня, и я тут же жалею, что заговорила о нем, хотя это и отвлекло ее. Если не принимать во внимание мое собственное отношение к любви, все равно, на мой взгляд, сестра достойна большего. Не то чтобы Купер плох (по общему признанию, он отлично играет в «Скрэббл»), просто он линейный повар/фотограф-фрилансер/серфер, проживающий в Лос-Фелисе с двумя соседями, и у него нет ни времени, ни ресурсов, чтобы заботиться о сестре так, как она того заслуживает. Я знаю, что эти отношения долго не продлятся, и, как уже случалось не раз, буду рядом, когда они расстанутся.

— Ты знаешь, что я бы не пропустила твое мероприятие. — Саванна вытягивает руку в мою сторону, шевеля пальцами. — И все влажные члены в мире мне в этом не помешают.

Я смеюсь, шевеля пальцами в ответ, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю.

— Ладно. Шоу начинается.

— Итак, прежде чем мы перейдем к вопросам читателей, я хочу спросить, можете ли вы, Марго, дать *какой-нибудь* намек, о чем будет ваша следующая книга?

Я улыбаюсь, глядя на панель участников, чьи лица выражают нетерпение, и задерживаю взгляд на ярко-синих волосах ведущей.

Шанс на счастливый финал

— Вообще-то я не должна, Сильви.

— Хорошо, но что, если я — щелчок мышью — включу звук и попрошу всех сказать «пожалуйста» через три, два, один...

— ПОЖА-А-АЛУЙСТА, — раздается хор голосов.

Я поднимаю руки в знак капитуляции и смеюсь. Это все спектакль: я уже получила зеленый свет на намек, который запустит волну слухов в Bookstagram¹.

— Ладно, ладно. Рискуя получить нагоняй, я скажу одно слово... Аляска.

В ответ раздается дикий ор, и я быстро убавляю громкость, поскольку мистер Дарси спрыгивает с колен Саванны и прячется под диваном.

— Так, звук снова выключается! — объявляет Сильви. — Выдохните. Глотните чаю. Потискайте антистресс. Знаю, тут есть что переварить. Аляска — это место? Человек? Состояние души? Уверена, мы все будем отчаянно ломать головы над подсказкой Марго вплоть до выхода ее следующей книги, но сегодня я бы хотела, чтобы ваши вопросы касались того, что у нас уже *есть* на руках, а именно романа «С наилучшими пожеланиями».

Я уже не слышу участниц, которые сейчас дружно размахивают своими экземплярами с загнутыми страницами. По идее, такая преданность моему творчеству должна рождать наименее приятнейшие чувства. На первых порах так и было. До того, как все мои истории стали казаться лишь немногим менее вредными, чем отравление свинцом. *Милые вы мои безнадежные романтики, никаких «Долго и Счастливо» не бывает...*

— Давайте начнем с #ДженниЛин_Библиотекаря. Какой у вас вопрос к Марго, Дженни?

— Привет, Марго! Привет, Сильви! Обожаю книги, обожаю подкаст!

— Большое спасибо, Дженни, — отвечаем мы с Сильви, когда «окошечко» увеличивается до размеров экрана и я вижу молодую

¹ Bookstagram — книжная сторона Инстаграм. Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности.